

ОТ КАРАМЗИНА ДО СОЛОВЬЕВА К ВОПРОСУ ЭВОЛЮЦИИ ОБРАЗА ИВАНА IV В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

ДЮЛА СВАК

Русский XVI-ый век — столетие Ивана IV-го. Это определение покажется, наверное, немного категоричным, если подумаем, что до 1500 гг. дожил его дед, Иван III, заслуженно названный «Великим», потом три десятилетия правил несправедливо обойденный вниманием исторической литературы отец, Василий III, а закрыла столетие такая значительная личность, как известный Борис Годунов. Посеянное предшественниками семя пускает побеги при правлении Ивана VI: тогда он принимает царский титул «Великого князя всея Руси», в результате чего страна становится оплотом правоты. На это полстолетие приходится окончательное покорение старого врага: взятие Казанского и Астраханского ханств, и имя Ивана отмечает эпоху реформ 50 гг., когда делаются обнадеживающие шаги с целью централизованного правления выросшей до гигантских размеров империи.

Но Иван ввел во второй половине своего царствования т. н. опричнину, разделившую страну на две части, расстроившую хозяйство, деморализовавшую общество и разложившую армию. Тот же Иван проиграл двадцатипятилетнюю ливонскую войну, поглощающую силы государства, он оставил своему слабоумному наследнику уменьшенную страну — потому что грозный царь были и тот, кто убив своего старшего сына, законного наследника трона, оставил в наследство потенциальный династический кризис. Великие дела были сделаны за долгое царствование Ивана, и не меньшие канули в лету. Кажется по праву возвышается над столетием фигура всемогущего царя: обосновывают это события эпохального значения за время его царствования. И все-таки; русскую историю XVI века затуманивает в первую очередь не объективное значение событий, а, благодаря оценивающим эти события потомкам, личность Ивана IV. Несмотря на великие дела и преступления, совершенные Иваном IV, одиссея его по-настоящему началась в исторических работах, занимающих его царствованием, на страницах литературных произведений, в статуях и на картинах, в фольклоре, одним словом: после XVI столетия. Историкографическая судьба этой

«яркой» личности европейского средневековья представляет больший интерес, чем ее беспримерные поступки.

Оценка его царствования является предметом спора уже несколько столетий. Poleмика своими корнями уходит к известной переписке Ивана и бывшего его друга, Курбского, сбежавшего к полякам с ливонского театра военных действий. Утверждение безграничного самодержавия с одной стороны и осуждение кровавого деспотизма с другой, поляризовали и мыслителей поздних времен. Переходящее от поколения к поколению эмоциональное напряжение спора не сокращалось, потому что тот в любую эпоху давал возможность для высказывания актуального политического мнения. Принимающие участие в полемике постепенно уже не замечали, что в сущности не могут сказать ничего нового по сравнению со своими предшественниками, и даже не говорят больше о политике Ивана IV, чем Иван и Курбский. Конкретный исторический вопрос стал объективно незначительным и трансформировался в идеологическую и политическую проблему занимающей им эпохи. Литература об Иване IV приняла гигантские размеры, а так как сторонники двух приближений пытались подладить современные источники к своим концепциям, туман вокруг царя стал почти непроглядным. Настолько, что даже сейчас нам не все ясно в этом вопросе.

Для научного приближения комплекса вопросов необходимо привести в первую очередь обзор истории механизма оценки Ивана IV. Надо до конца пройти путь, пройденный оценивающими Ивана мыслителями, а в скопившейся огромной массе литературы нужно найти материал, выдержавший проверку временем, и отделить его от высказываний, рожденных в актуальный момент. Тогда — хотя и в узком плане, но — мы сможем проследить развитие русско-советской историографии.

Целью нашей работы является поставить в центр внимания историю оценки Ивана IV. Показать некоторые ставшие традиционными — и иногда до сих пор сохранившиеся — иннервации, раскрыть условия их появления и поднять проблемы, оставшиеся до настоящего времени без удовлетворительного ответа.

Обзор историографии об Иване, в первую очередь из-за объема, мы начнем с Карамзина. Произведение дворянского историка было первым таким синтезом, который признал значение, формирующее историческое сознание, и создал свою концепцию на уровне современной историографии, со знанием всех имеющихся в распоряжении источников. Именно в целях лучшего понимания произведения Карамзина необходимо сказать несколько слов о предшествующих событиях.

Первая «историческая» работа относится к Курбскому, который в своем произведении «Сказание о великом князе московском» дает абсолютно негативный портрет Ивана IV.¹ Бесспорную ценность произведения как источника снижает то, что жанр его — памфлет, написанный тогда, когда появилась возможность избрания царя польским королем. Менее предвзятые публицистические произведения, появившиеся непосредственно после «Смутного времени», которые пытаются

найти причины «Смуты», и, конечно, большое внимание уделяют царствованию Ивана IV.² Произведения, представляющие «исторический» жанр, делают попытку в некоторой степени систематизировать известные факты о правлении царя, и эта попытка оставляет глубокий след в поздней историографической традиции.³ Оценка произведений, написанных в указанный период, обычно двойственна — более подчеркиваются, однако, негативные стороны.

Работы, созданные в период после «Смуты» можно считать полуисточниками.⁴ Первая систематическая «История России» связана с именем Татищева, который на основании личности Петра Великого идеализировал абсолютизм, и тем самым давал позитивную картину об Иване IV.⁵ К концу XVIII столетия в дворянской историографии выкристаллизовались две противоположные оценки Ивана IV.

Болтин представляет позитивную,⁶ а Щербатов предвещает негативную оценку Карамзина.⁷

Н. М. Карамзин: «История Государства Российского». VIII—IX тт.

Первым и самым значительным на протяжении полувека исследователем деятельности Ивана IV был «отец русской историографии», Н. М. Карамзин. Наибольшее влияние оказал на общество *весь* грандиозный труд «История Государства Российского», внутри которого трактовка личности Ивана IV особенно долго оставалась в общественном мышлении.

У Карамзина под влиянием Хронографа редакции 1617 г. и в некоторой степени произведения Курбского, царствование Ивана IV разделяется на два резко противоположных периода. Внешнее, формальное проявление этой трактовки в том, что VIII том «Истории Государства Российского» говорит о первом периоде, IX том — о втором периоде. В результате того, что в одном томе перед читателем предстает позитивный портрет Ивана, а в другом — негативный, Карамзина позднее обвиняли в том, что ради впечатляющего противоречия он готов пожертвовать исторической правдой.⁸

В первой части Карамзин начинает описание событий с рождения Ивана, и своим картинным, морализирующим стилем сразу характеризует великого князя, еще ребенка: «Рожденный с пылкою душою, редким умом, особенной силой воли, он имел бы все главные качества великого монарха, если бы воспитание образовало или усовершенствовало в нем дары Природы...»⁹ Шуйские же больше поощряли ребяческие забавы и «питали в нем склонность к властолюбию и даже к жестокости, не предвидя последствий.»¹⁰ Позже он женился на Анастасии, но «ни набожность Иоаннова, ни искренняя любовь к добродетельной супруге, не могли укротить его пылкой, беспокойной души, стремительной в движениях гнева, приученной к шумной праздности и забавам грубым, неблагочинным. Он любил показывать себя царем, но не в делах мудрого правления, а в наказаниях, в необузданности прихотей; играл, так сказать, милостями и опалами, умножал

число любимцев еще более умножал число отверженных; своевольствовал, чтобы доказывать свою независимость, и еще зависел от Вельмож. . .»¹¹

Потом после коронации, когда взбунтовавшийся из-за вспыхнувшего в городе пожара московский народ расправился с родственниками царя, Глинскими, а Иван дрожал в Воробьеве, «явился там какой-то удивительный муж, именем Сильвестр. . .» «По крайней мере здесь начинается эпоха Иоанновой славы, новая, ревностная деятельность в Правлении, ознаменованная счастливыми для Государства успехами и великими намерениями. . .»¹²

В написанном до этого Карамзин в сущности идет по следам Курбского: примиряя мнение Курбского с царскими высказываниями. (Мотив «злых бояр-воспитателей» явно играет роль, принесенную в ущерб объективности.) Напряжение усиливается в виду того, что Карамзин создает противоречие между ребенком, созданным для высокого призвания, и неблагоприятными условиями. Эти отклонения от мнения Курбского объясняются психологическими склонностями Карамзина и его стремлением к эффекту. Карамзин считал неразделимыми историю и литературу, художественное впечатление и историческую достоверность, поэтому с начала до конца (уже начиная с предков) темная картина, нарисованная Курбским у него с самого начала становится тональной, чтобы позднее контраст стал более сильным.

Зависимость от Курбского позднее становится все очевиднее. Промелькнувший эпизод болезни Ивана в 1553 году — это начало охлаждения к Адашеву и Сильвестру, решающий толчок которому дает монах Вассиан Топорков.¹³ Потом, когда Иван напал на Ливонию (ссылка на различную программу внешней политики Адашева и царя), «Небо готовило ужасную перемену в судьбе его и России». Умирает Анастасия и «здесь конец счастливых дней Иоанна и России»¹⁴

На этом кончается VIII том и начинается IX, повествующий о кровопролитных делах царя. Карамзин описывает шесть волн казней, и объясняет, что в этом повороте к «злому» в характере Ивана большую роль сыграл «испорченный нрав» новой жены.¹⁵

В конце, когда историк делает попытку в общем оценить Ивана IV, снова обнаруживаются положительные стороны царя: острый ум, большая начитанность и широкий кругозор в условиях того времени и необычайное ораторское искусство. Но все это опять лишь для того, чтобы еще более ошеломляющим был окончательный вывод: «если иго Батыево унизило дух Россиян, то без сомнения не возвысило его и царствование Иоанново»¹⁶ И далее: «характер Иоанна, Героя добродетели в юности, неистового кровопийцы в летах мужества и старости, есть для ума загадка. . .»¹⁷

Если Карамзин и отказывается от разгадки тайны личности, — что он и должен сделать, чтобы ради эффекта создать искусственное противоречие, — то оценка Ивана недвусмысленна. Но прежде, чем мы сделаем далеко идущий вывод из этого факта относительно его политических убеждений, процитируем сравнительно большую по

объему часть, в которой сравненному с Нероном, Калигулой и Людовиком XI (но не как у Болтина) «кровопийце» Ивану есть предшественники и последователи: «Между иными тяжкими опытами Судьбы сверх бедствий Удельной Системы, сверх ига Монголов, Россия должна была испытать и грозу Самодержца-мучителя, устояла с любовью к Самодержавию, ибо верила, что Бог посылает и язву и землетрясение и тиранов; не преломила железного скиптра в руках Иоанновых, и 24 года сносила губителя, вооружалась единственно молитвою и терпением, чтобы, в лучшие времена, иметь Петра Великого, Екатерину II. (История не любит именовать живых.)»¹⁸

Итак о Карамзине можно сказать все, только не то, что он враг абсолютной царской власти и прогрессивный мыслитель. И все таки IX том после своего появления получил широкое распространение среди декабристов и прогрессивных людей России. Все это, конечно, произошло против воли автора, желающего при помощи исторических аргументов поддержать самодержавие и предупредить крайности. «Абсолютизм» Ивана не удовлетворял интересам ни одного слоя общества, ибо даже самых верных служителей системы могла достичь — и достигала — рука царского «правосудия», точно так же, как и «оппозицию». Своей притчей Карамзин хочет подсказать парю, какие средства нельзя применять. Это стремление объясняет, почему он настолько уважает Курбского, пытаясь достигнуть того же, что и его вынужденный эмигрировать предшественник: право на подказку и совет и гарантию экзистенциальной неприкосновенности.

Итак у восприятия Карамзиным Ивана есть непосредственное политическое значение, проявляющееся гораздо сложнее, чем мы бы этого ожидали. Это в любом случае исключает возможность проведения в русской-советской историографии параллели, вроде: «друзья Ивана — реакционеры, враги Ивана — прогрессисты». Уже у Карамзина ясно, — и позднее, с развитием историографии, как науки, это все более осуществляется, — что нельзя пытаться решить проблему Ивана на основании одних политических мотиваций. Большее влияние на это имеют само развитие науки, историческая концепция и детерминированная источниками историографическая традиция. Уже Карамзин создает свою конструкцию, исходя из источников, и уже он настолько находится под влиянием историографической традиции, что даже сведения Хронографа редакции 1617 г., Пискаревский летописец и произведение Щербатова не делают ее достаточно оригинальной.

Сейчас мы по праву считаем устаревшей «Историю Государства Российского» Карамзина, идеалистическим историческое воззрение, наивной моральную точку зрения и ненаучным картинный стиль. Правда, что из-за своего психологизма он мало что мог обосновать из объективных исторических событий. Но нужно сказать, что несмотря на не критическое обращение Карамзина с источниками при создании своего великого произведения, он оставался историком и использовал все в свое время известные источники.

Сторонники и оппоненты Карамзина

Первый критик, *Н. Арцыбашев* появляется еще при Аракчееве. В своей статье «О свойствах царя Иоанна Васильевича» он высказывает мысль, что крайности Ивана были вызваны сопротивлением бояр: «Иоанн Васильевич от природы не был тираном; но вынужденным насилием прибегнуть к излишней строгости для обуздания своевольных бояр и их поборников.»¹⁹ В своем исследовании он готов подвергнуть сомнению достоверность источников, если те показывают царя в темном свете, и прилагает большие усилия в целях того, чтобы «начисто отмыть» его с моральной точки зрения. Поэтому он обосновывает каждый осуждаемый с моральной точки зрения поступок Ивана IV, — часто абсурдно наивными аргументами. (Например, одна жена Ивана умерла до брачной ночи. Арцыбашев считает, что этот факт доказывает великодушие царя, готового взять в жены больную женщину. Что же касается многочисленных, запрещенных религией браков царя, то они нужны были потому, что он не хотел незаконно ночевать с женщиной.²⁰)

Единственный позитивный момент в работе Н. Арцыбашева, что он пытается критически подойти к источникам (правда, он не способен на это), историографическое «значение» в том, что это первая работа в ряду беспринципных прославителей Ивана.

В годы после декабристского восстания появилась многочисленная официальная критика работы Карамзина. Само восстание и высказывания декабристов об Иване очень конкретно показали, что IX том Карамзина, независимо от намерения автора, стал жить самостоятельной жизнью, и превратился в оружие врагов самодержавия.

Декабристы считали Ивана IV типичным представителем кровавого деспотизма, — заложив тем самым основу русского революционной мысли в отношении Ивана. Правда, после Радищева некоторые (В. Сухоруков, Н. Бестужев, А. Корнилов) упомянули некоторые положительные моменты царствования Ивана (увеличение территорий, проведение первых земских соборов, начало книгопечатания),²¹ но несмотря на это, окончательное их суждение было бесспорно негативным. Например М. Бестужев назвал правление царя «звериным царствованием»²², Н. Муравьев пишет о его «ужасах»²³ позднее Лунин окрестил его «бешеным» царем, который «24 года купался в крови подданных».²⁴ Нужно, однако, отметить, что декабристы не делали заметного различия между русскими царями. Они идеализировали вечевой строй, «героическую эпоху» русской истории и осуждали всех самодержцев: «Еще унижительнее для нравственности (т. е. после татар — Д. С.) народной эпоха возрождения нашего, рабская хитрость Иоанна Калиты; далее холодная жестокость Иоанна III, лицемерие Василия и ужасы Иоанна IV.»²⁵

Поэтому IX том Карамзина, легализующий в сущности обсуждение самодержавия, пришелся им кстати. Н. Лорер рассказывает, что например, молодые офицеры Измайловского полка часто сходились и устраивали диспуты. И так «жадно читали» IX том, «что по заме-

чанию одного из товарищей, в Петербурге от того только такая пустота на улицах, что все углублены в царствование Иоанны Грозного.»²⁶ Это подтверждает и М. Бестужев.²⁷ Всю эту ситуацию хорошо освещает признание барона Штейнгеля, представленное императору Николаю в 1826 г.: «хотя постепенно цензура делалась строже, но в то же время явился феномен небывалый в России — девятый том Истории Государства Российского, смелыми, резкими чертами изобразивший все ужасы неограниченного самовластия и одного из великих царей открыто наименовавший тираном, какому подобных мало представляет история.»²⁸

Итак неожиданно IX том Карамзина стал опасным произведением. Характерно, что во время его написания никто еще ничего не подозревал, даже считали официальным, потому что сам царь Александр был его цензором.²⁹ Положение в корне изменилось после восстания декабристов, во многих работах его начинают подвергать критике.³⁰ Об этом изменении красноречиво говорит труд М. Погодина, опубликованный в 1829 г., от которого он значительно отдалается уже в 1846 г.,³¹ чтобы к 1860 г. полностью переоценить свое предыдущее мнение.³²

В своей статье «Замечание о характере Иоанна IV» Погодин пишет: «Он явил способности необыкновенные в мудреной науке правления, и может статья лишил бы Петра славы быть первым Государем в России, если бы судьба, к нашему несчастью, не соединила всех возможных обстоятельств для соращения его с пути, ведущего к бессмертию: он сделался тираном.»³³ Но только по отношению к боярам, чему имелась основательная причина: бояры много плохого сделали ему еще в детстве.³⁴

У Погодина царствование Ивана не разделяется на две части (правда, он признает, что после смерти Анастасии положение ухудшилось),³⁵ но по его мнению в XVI веке, в эпоху Людовика XI это было необходимо.³⁶

М. Погодин не сказал ничего нового в области оценки Ивана. Он туманно ссылаясь на моральные нормы эпохи, однако по сути дела использовал те же аргументы (только с противоположным значением), что и Карамзин. Последний, однако, в своих заключениях не отходил настолько от источников, — т. к. его не побуждали к этому конъюнктурные причины, — в результате чего психологические объяснения более достоверны.

То, что вышеупомянутые «конъюнктурные причины» имели довольно сильное влияние, хорошо доказывает премьера драмы Хомякова «Ермак» в 1829 г. Кроме всего прочего цензор из драмы запретил следующую часть:

«Не весели погибелью своей
Свирепого и дикого безумца,
Гонителя угодников христовых,
Венчанного врага земли родины!»

Отсутствует эпитет «кровопийца», который мог быть в произведении Карамзина.³⁷

Странная судьба у IX тома Карамзина: политические единомышленники подвергали его нападкам, а инакомыслящие тепло приветствовали. С изменением политического положения, это кажущееся противоречие, как мы увидим, исчезнет.

После Карамзина, перед Соловьевым

В обсуждаемую эпоху мыслителей интересовали более важные проблемы, чем личность Ивана. Это эпоха возникновения философии истории, создания концепций, ищущих место России в процессе исторического развития, официальной народности Уварова, рождения направлений славянофилов и западников. О «русском пути», исторических особенностях размышляют писатели, публицисты, и если уже речь идет о личности, формирующей историю, так это может быть только Петр I. Политический момент можно обнаружить только во всем направлении философии истории, но нельзя разделить на отдельные личности. Поэтому мы можем сказать, что на оценку Ивана IV политика только косвенно наложила свой отпечаток. Было бы неверным делать выводы из высказываний об Иване того периода касательно политической позиции того или иного деятеля. Хотя бы потому, что в период политического застоя после восстания декабристов внешне все направления искали возможности прогресса в системе самодержавия: аллегория Ивана потеряла свою функцию.

Историография в сущности осталась на уровне Карамзина, — точнее, сделав окольный путь, вернулась назад, — и черпала методы, источники и оценку у Карамзина. Доверие ко всему произведению Карамзина, тенденциозно верному царю, привело к тому, что его трактовка Ивана сохранилась почти без изменений. На данной степени развития историографии они все равно не могли найти другого объяснения, касающегося поступков царя; да и сам Карамзин критиковал Ивана IV, как «исключение, усиливающее правило», в то же время николаевская система политически была очень стабильна: не было больше препятствий, чтобы мнение Карамзина не стало на некоторое время «аксиомой».

По нашему мнению, в данном случае на положение проблемы повлияло и то, что это негативное представление об Иване не очень популяризовалось в царской России. Даже в близко интересующую нас эпоху, в 1848 г., Уваров например запретил издание произведения Флетчера, являвшееся по сути источником по России³⁸. Кроме «разрешенных властями», официальных историков мало кто посмел бы написать осуждающе об Иване IV. Те же всей своей деятельностью гарантировали безопасность этого: создалось своеобразное «распределение труда» между историографией, искусством и публицистикой, и скрывание непосредственной общественной информации в данную эпоху стало неразделимым правом последних, — чем «взрослее» становилась историография тем явственнее.

Официальных историков, кроме уже вышеупомянутого М. Погодина, представлял Н. Устрялов. Нет смысла излагать его работу «Русская история», т. к. его трактовка в сущности совпадает с представлением Карамзина.³⁹ На основании чего становится явным, что при нужном акцентировании критика царя может совпадать с доктриной «официальной народности»: это доказывает то, что даже самые крайние поступки не уклонили «народ» от службы «самодержавию».

Из славянофилов первым высказывается Ю. Самарин в своей диссертации об Иване IV, написанной в 1844 г. В своей работе по истории религии он только касается личности царя, но уже это дает нам возможность представить оценку царя, даваемую славянофилами с позиции морали. Глубоко религиозный автор исследует Ивана с точки зрения веры и религии, из его анализа таким образом не могут быть опущены моральные преступления. Показом грандиозного портрета, возвышающегося над эпохой, он в сущности идеализирует фигуру царя, преступления которого — преступления эпохи, достоинства же — свои.⁴⁰ Эта мысль получает дальнейшее развитие и у последующих мыслителей. (Как и есть ее прецедент, напр, у Белинского.)

Более серьезной была несколько лет спустя работа славянофила, И. Беляева. В главе «Служилые люди» своего произведения «Жители Московского Государства» он довольно подробно останавливается на Иване IV, и, — как показывает подзаголовок, — именно на его зависимости по отношению к боярам. Бесспорно положительная сторона произведения в том, что в нем автор пытается найти рациональное объяснение трагическому развитию отношений между царем и боярами. На основании этого он строит свою теорию о боярах, пытающихся получить назад свои старые привилегии, и царя, борющегося против этого, которая означала серьезный шаг вперед по сравнению с туманными, оперирующими душевными причинами объяснениями Арцыбашева и раннего Погодина.

Беляев, однако, не способен последовательно осуществить эту линию, и часто пускается в совершенно наивные рассуждения. Таково например его объяснение, почему царь терпел власть Сильвестра и его приспешников, которые, несмотря на всю свою прогрессивность, стремились к восстановлению старого положения боярства. Царь, дескать, «не хотел оскорблять советников... и ждал когда они сами признают его способным царствовать...»⁴¹ Поиск рациональных причин приводит Беляева — как позднее многих его последователей — к отрицанию источников, привязыванию их к своей концепции и некритическому прославлению Ивана. По его мнению источники, сообщающие о кровопролитиях, написали «личные враги и безответственные и глупые порицатели Иоанна».⁴² Опричнина же нужна была для того, чтобы Иван смог доказать устарелость привилегий старой дружины, с другой стороны, в уединении он мог беспрепятственно трудиться, и опираясь на новые силы, наконец поставить бояр на службу Государству. Опричнина, собственно говоря, стала доказательством того, насколько абсурдно существование земщины.⁴³

Приближение Беляева современнее, чем Карамзина и его последователей. Кроме душевных процессов, роли личности оно предполагает другой принцип, управляющий историческими событиями, — а заключение находится не так далеко от противопоставления «государственной школы»: «существование нации — существование государства», считавшегося в современной историографии большим шагом вперед. Другой вопрос, — и это еще долгое время парадокс исследований об Иване, — что в области подлинной оценки Ивана IV он не достиг уровня Карамзина.

Наиболее полно сформулированная Соловьёвым в его VI томе концепция «государственной школы» восходит к К. Кавелину. С точки зрения нашей темы, таким образом, весьма важным становится для нас произведение Кавелина «Взгляд на юридический быт древней Руси», написанное им в 1846 г. В нем этот процесс прослеживается на развитии права, т. е. как рождается из старой, национально-патриархальной Руси новая, «государственная» Россия. Это означает еще один шаг вперед в области оценки Ивана, т. к. рассматривая деятельность царя в широкой перспективе, он дает возможность определить возможности и границы роли личности в историческом процессе. Однако сам Кавелин еще довольно далек от этого. Историографическое значение его труда в области исследований об Иване в том, что создается концепция государя, трагического предшественника Петра Великого, рожденного для великих дел, но неспособного проявить свои способности в условиях той эпохи. Как мы увидим, идея эта родилась еще у Белинского, однако обоснование и «доказательство» её историчности бесспорно относится к имени Кавелина. Другим его идейным предшественником является — как это уже установили многие⁴⁴ — И. Эверс.

«Эту переходную эпоху нашей истории — утреннюю зарю нового, вечернюю старого, — ...ограничивают от предыдущего и последующего два величайших деятеля в русской истории, Иоанн IV и Петр Великий: первый её начинает, второй оканчивает и открывает другую.» — так начинается свое размышление об Иване Кавелин, и продолжает: «Петр Великий глубоко уважал Иоанна IV, называл его своим образцом и ставил выше себя. И в самом деле, царствование Петра было продолжением царствования Иоанна. Недоконченным, остановившееся на полудороге реформы последнего продолжал Петр.»⁴⁵ Дальше автор сравнивает эти две исторические личности на основании их качеств, и анализирует причины окончательной неудачи Ивана. «Одаренный натурой энергичной, страстной, поэтической, менее реальной, нежели преемник его мыслей, Иоанн изнемог наконец под бременем тупой, полу-патриархальной, тогда уже бессмысленной среды, в которой суждено было ему жить и действовать. Борясь с ней на смерть много лет и не видя результатов, не находя отзыва, он потерял веру в возможность осуществить свои великие замыслы...» Поэтому стал тираном тот, жизнь которого была тоже страданием. «Иоанн IV так глубоко пал именно потому, что был велик... Этим мы не хотим оправдывать Иоанна, смыть пятна с его жизни...», но нужно ясно видеть, что «Петр... жил веком позже, когда обстоятельства уже изменились и много было приготовлено...»⁴⁶

Это пока общее, но не нуждающееся в психологизме, объяснение, за которым следует содержащая факты часть. Теоретической основой оценки Кавелина служит следующее предложение: «Государство не могло ужиться с ... домашними, частными, кровными интересами, которые в лице безграничных областных правителей и служилых родов связывали ему руки и отнимали возможность свободно развиваться и действовать...» А так как «никто ни прежде, ни после, до самого Петра Великого, не действовал так энергически против вельмож и областных правителей, угнетавших народ, как Иоанн IV,»⁴⁷ понятно, что согласно основной концепции, представление об Иване IV становится позитивным. И хотя Кавелин упоминает, что «подозрительный, страстный характер мог внушить ему много, чего не было», в общем он считает обоснованной враждебность царя к боярам.

Из вышесказанного выясняется, что Кавелин обогащает оценку Ивана еще одним фактом: мнимым союзом царя и народа, получившим немалые отклики и в позднейшей историографии. Также, как и та мысль Кавелина, что царь заменяет аристократию в государственном управлении не такими знатными, но знающими людьми. Последним можно объяснить введение опричнины: «Опричина была первой попыткой создать служебное дворянство и заменить им родовое вельможество...» И хотя эти опричники, ничем не были лучше бояр, за это надо винить не Ивана, ведь «он жил в несчастное время, когда никакая реформа не могла улучшить нашего быта.»⁴⁸

В указанной статье Кавелин, как бы «мельком» дает полный портрет Ивана IV, в котором уже можно найти все признаки оценки Ивана «государственной» школой. В этом отношении даже Соловьев будет подражать ему, обогащая кавелинскую основу лишь деталями и «доказывающим» материалом. И даже не только представители «государственной» школы, но и все последующие «поклонники Ивана» пойдут по этому пути.

Рассмотрев оценку Ивана в 40 гг., мы убедимся в том, насколько был прав Михайловский, написав, что в данную эпоху люди самого различного образа мышления пришли к согласию в этом вопросе.⁴⁹ В этом факте проявилась та очень «полезная» особенность проблемы Ивана, что её можно поставить на службу любой исторической концепции, и даже «доказать» ей предубеждение.

Белинский и Иван IV

С точки зрения хронологии Белинский должен конечно относиться к предыдущему подразделу, настоящий порядок мотивирован той простой практической точкой зрения, что поздняя — в первую очередь советская — историографическая традиция выделила его в особую категорию.

Из-за одного факта Белинский бесспорно заслуживает внимания. Уже в 30 гг. — когда почти не было заслуживающего внимания упоминания об Иване IV — во многих статьях он затрагивает проблему, и поэтому в постановке некоторых вопросов действительно считается первооткрывателем.

Впервые он детально занимался этим вопросом в 1836 г. в рецензии на книгу Н. Полевого. Статья его производит странное впечатление. Факты очевидно берутся им у Карамзина, но он приходит к совсем другому выводу. Белинский даже Полевого обвиняет в том, что у него «... Иоанн не гений, а просто замечательный человек (С этим мы никак не можем согласиться...)»⁵⁰

Интересно, как он описывает — ужасные для него — поступки царя: «он был болен, он опьянел от ужасного напитка крови...», «во всем мог видеть одну измену и крамолу...», но все равно позитивно оценивая его.

Из статьи так и не становится ясным, почему Белинский настолько восторгается им, что осуждая преступления Ивана, даже не пытается объяснить их. В своем анализе он затрагивает только загадки души, и не пытается раскрыть социальные причины. Он считает, что «Иоанн поучителен в своем безумии, это не тиран классической трагедии, это не тиран римской империи, где тираны были выражением своего народа и духа времени: это был падший ангел, который и в падении своем обнаруживает по временам и силу характера железного и силу ума высокого.»⁵¹ В довольно отвлеченном, психологическом размышлении Белинского вырисовывается довольно туманная фигура опередившего эпоху и поэтому падшего «ангела» — только аргументы отсутствуют.

Развивая мысль дальше в том же направлении, через три года в другой рецензии он приходит к следующему, ставшему известным выводу: «Вот Иоанн IV, этот Петр I, не во-время явившийся и грозой докончивший идею своего великого дела...»⁵² Еще одна идея, которая — как мы видели — получила детальную разработку у Кавелина, но ради исторической достоверности нужно отметить, что происходила от Белинского.

В 1841 г. в статье о стихотворениях Лермонтова Белинский делает еще один шаг вперед: делает попытку более подробно объяснить часть предложения «не во-время явившийся». В его размышлении появляются мотивы «ужасной действительности», «полуазиатского русского быта», которые помешали развитию «этой сильной натуры, этого великого духа».⁵³ (Своеобразно, совсем в другом приближении, к этому выводу приходит и славянофил Самарин.) Поэтому не осталось другого выхода, — говорит Белинский, — как найти «свою отраду только в безумном мщении этой ненавистной и враждебной действительности.»⁵⁴ Белинский здесь указывает на то, что борьба Ивана каким-то образом была закономерна, т. к. «кто-то» или «что-то» враждебно относились к нему; но вместо конкретных фактов он приводит туманные общие фразы.

После этого он еще один раз называет Ивана «падшим ангелом», который возбуждает «скорее сожаление..., чем ненависть и отвращение», а потом высказывает (в более осторожной форме, чем в предыдущей статье): «Может быть, это был своего рода великий человек, но только не во-время, слишком рано явившийся...»⁵⁵

В 1843 г. в рецензии на работу Н. Маркевича «История Малороссии», Белинский опять возвращается к этой проблеме. Находящееся

в ней определение бесспорно является результатом определенного внутреннего развития, и теперь во всем объеме представляет конструкцию Белинского: «По натуре своей Иоанн Грозный был великий человек, и для него возможны были только две роли — или Петра Великого, или *Иоанна Грозного*: для первой были непреодолимые преграды, заключавшиеся столько в отчуждении Руси от Европы, сколько и в хаотическом состоянии самой Европы, — и внук Иоанна III сделался не преобразователем России, а грозною карою восточной формы её государственного быта.»⁵⁶

Эта цитата бесспорно говорит о том, что к этому времени у Белинского получает окончательную форму историческое воззрение, в которое он пытается ввести Ивана IV. Но и в дальнейшем Белинский не объясняет, почему «натура» Ивана делает его великим, но конечный результат скрывает определенное мнение: Иван IV, «грозное наказание» России. В этой двойственной оценке, нам кажется, конкретизируется двойственность исторического воззрения Белинского: идеализм, преклоняющийся перед великими личностями, сталкивается с реализмом, оценивающим факты, создавая своеобразный гибрид.

Во второй половине 1940-ых и в первой половине 1950-ых годов советские историки часто ссылались на вышеуказанные определения Белинского, — но выделяя только первую часть двойственной оценки.⁵⁷ Позднее стало уделяться внимание и второму моменту.⁵⁸ Мы считаем немного чрезмерным заниматься позицией Белинского в этом вопросе, т.к. — и мы на это уже ссылались — он ни в чем не выделяется среди других авторов работ об Иване 1840-ых годов. И даже в этом отношении среди западников остается позади Кавелина. Об этом он сам пишет (и у нас нет причин считать это «скромностью», как это сделал Н. Мордовченко в свое время)⁵⁹ в письме Герцену, написанном 20 марта 1846 г.: «Я был в восторге от взгляда на Грозного. (т.е. от взгляда Кавелина — Д. С.) Я по какому-то инстинкту всегда думал о Грозном хорошо, но у меня не было знания для оправдания моего взгляда.»⁶⁰

VI том «Истории России» Соловьева и отклики на него

Освещающий деятельность Ивана IV, VI том Соловьева вышел в свет в 1856 г., и в сущности получил такое же историографическое значение как и произведение Карамзина, хотя из-за своего профессионального характера в глазах «широкой публики» вряд ли мог сравниться с литературным стилем Карамзина. Сейчас мы можем бесспорно установить, что это произведение означало поворотный пункт не только в истории оценки Ивана, но и в развитии русской историографии. Вместо идеалистического, морализирующего произведения Карамзина, представляющего дворянскую историографию, буржуазная историография впервые выставляет подобное предыдущему по грандиозности, призванное его сменить произведение. В этом произведении причинная связь и развитие истории происходят в соответствии с определенными закономерностями. Основная закономерность, — на основании которой получила эта школа свое название, — что вместо обществ людей, организованных на националь-

ных и родственных началах, появляются общества, организованные Государством.

Соловьев в соответствии с учением «государственной школы», пишет историю России, ставя на центральное место государство. Поэтому у него Иван IV становится звеном долгого исторического процесса: в период между прекращением феодальной раздробленности удельных княжеств и победы централизованного государства, наполненный длительной и мучительной борьбой. А так как одним из условий создания сильного государства в данную эпоху являлась сильная правящая власть, то уже вначале можно отметить, что Соловьев мог только положительно относиться к Ивану IV.

Жизненный путь Ивана в книге Соловьева во многом похож на привычное после Карамзина восприятие. И это, конечно, закономерно, т.к. Соловьев использовал те же источники, что и его предшественник. По крайней мере общим был исходный пункт их оценки: переписка Ивана и Курбского, и произведение последнего об Иване. Появляются известные мотивы: обиды, нанесенные будущему царю в детстве, произвол бояр, влияние Анастасии, Адашева и Сильвестра, болезнь 1553 г., противоположная внешне-политическая ориентация и т.д.⁶¹ Но на первый план выдвигается другое, и главным образом: по-иному освещается роль царя. Ибо Соловьев — в отличие от Карамзина — верит Ивану. Это совпадает с его предварительным представлением о развитии русского средневековья.

В конце VI тома Соловьев особое внимание уделяет объяснению природы и деятельности Ивана IV. Он исходит из следующего: «Век задавал важные вопросы, а во главе государства стоял человек, по характеру своему способный приступить немедленно к их решению.»⁶² В историческом смысле Иван в любом случае должен оцениваться позитивно, однако автор применяет еще одну точку зрения оценки: «Характер, способ действий Иоанновых исторически объясняются борьбою старого с новым, событиями, происходящими в малолетство царя, во время его болезни и после; но могут ли они быть нравственно оправданы этою борьбою, этими событиями? Можно ли оправдать человека нравственною слабостью, неумением устоять против искушений, неумением совладеть с порочными наклонностями своей природы?»⁶³

Совместное применение этих двух точек зрения приводит к тому, что Соловьев ратует за «объективность», предостерегает от крайних суждений (впоследствии многие поступали подобно ему, но никому из них не удалось заменить слова делом): «...одни преклоняясь пред его величием (т.е. перед Иваном — Д. С.), старались оправдать Иоанна в тех поступках, которые назывались и должны называться своими, очень нелестными именами, другие хотели отнять у него всякое участие в событиях, которые дают его царствованию беспрекословно важное значение.»⁶⁴ Наверное, излишне еще раз подчеркивать, что Соловьев не мог быть объективным по отношению к Ивану IV. Стремление к объективности странным образом проявляется в его книге: на уровне конкретных фактов, комментируя события, происшедшие во время царствования

Ивана, он предвзято в положительном отношении относится к царю, и хотя не умалчивает ничего из поступков, которые он сам потом морально осудил, хорошо обосновывает их всегда легко употребляемым «сопротивлением бояр». На некоторых последних страницах своей книги, в сущности противореча всему ранее сказанному, историк становится обвинителем. Характерный для Соловьева упрек: он обвиняет Ивана в том, что тот, настолько стоящий выше «темноты» своего времени, не смог из него вырваться, и даже: «вместо целения он усилил болезнь, приучил все более пыткам, кострам и плахам; он сеял страшными семенами, и страшна была жатва: собственноручное убийство старшего сына, убийство младшего в Угличе, самозванство, ужасы Смутного времени! Не произнесет историк слово оправдания такому человеку; он может произнести только слово сожаления, если, вглядываясь внимательно в страшный образ, под мрачными чертами мучителя подмечает скорбные черты жертвы...»⁶⁵

Прежде чем комментировать «объективность» Соловьева, напрашиваются два замечания к выше написанной цитате: 1. Общеизвестной стала взаимосвязь между Смутным временем и Иваном IV. 2. Вывод, напрашивающийся даже в самой страшной части обвинения, что царь — жертва. С этой мыслью Соловьев пришел туда же, куда и Кавелин, и Белинский или Самарин. И он дает этому пример, как можно из преступления сделать добродетель: в своем популярном резюме он, например, заявляет, что Иван обязательно выиграл бы ливонскую войну, если бы не было такого великого полководца, как Баторий.⁶⁶ С возвышением врага-победителя, возвышается и побежденный, а это такая правда, которую использует и в последствии историография, занимающаяся этим вопросом.

Как же суммировать все сказанное Соловьевым об Иване? Поставив в центр государство и господствующую власть, Соловьев перенес Ивана IV. в широкую историческую перспективу и анализировал события, происшедшие за время его царствования, в той же взаимосвязи. Включение моментов развития и определяющей сути закономерностей выгодно выделяет «рациональное» резюме Соловьева от карамзинского синтеза. Однако Соловьев не может идти путем «государственной школы» Кавелина до конца; в конечном счете это и объясняет противоречивость его восприятия Ивана, отличие от кавелинского мнения. Соловьев не идеализировал Ивана IV. И не мог, так как на него — как на историка — определяюще влияли источники, а от осуждающей Ивана оценки большинства источников не может освободить себя ни один историк. С другой стороны, его историческое воззрение не во всех отношениях стояло выше воззрения дворянской историографии. Об этом свидетельствуют несколько сильно морализирующих страниц его книги. Воззренческий эклектицизм не создает в то же время видимость органического единства: два типа приближения формально разделены в его книге, а включение «моральных» поучений не имеет функции и кажется чужеродным. Это наше предположение как бы подтверждается тем, что и Соловьев не мог отчуждаться от политической актуальности: в ситуации, создав-

шейся после шока крымской войны, он таким образом демонстрировал свою антипатию к самодержавию.

Итак изображение прошлого определяют границы настоящего, вместе с желательными поправками. Обширная рецензия К. Аксакова на книгу Соловьева по нашему мнению хорошо доказывает вышесказанное. У одного из ведущих идеологов славянофилов есть две претензии к книге Соловьева. Первая о том, что историография не равна летописи. И хотя он требует от Соловьева изображения «движущей идеи», здесь в любом случае указал на слабое место Соловьева. Другая претензия, которой он сразу же оправдывает Соловьева, что еще не пришло время труда-синтеза, так как «прежде нам нужно познать самих себя». ⁶⁷ Аксаков хочет содействовать «самопознанию», последовавшему после 150-летнего периода «бессознательного» состояния, когда излагает свои взгляды об Иване.

Представление К. Аксакова об Иване в конечном счете не отличается от представления Соловьева. И все-таки есть значительная новость: краеугольный камень его оценки «земля и царь», вместо отношений царя и бояр. Поэтому после этого Аксаков может писать что угодно об Иване IV, — и он пишет о его негативных чертах, — суждение его может быть только положительным: «Русская земля вынесла Иоанна, чтоб сохранить свою недавнюю целость и удержать возникающую крепость. К тому же, и это главное, Иоанн нападал на лица, именно на бояр, выгораживая постоянно народ... Он слышал требования истории, он исполнял их...» ⁶⁸ «Крайности» царя он объясняет довольно просто: «В Иоанне была — художественная природа, не основанная на нравственном чувстве...» ⁶⁹ И самое важное: царствование Ивана IV доказывает, что «правительство обращается к народу в трудные минуты и делится с ним сочувствием к общему делу. Мы видим, что совещательное начало было в высшей степени распространено в России и на него сильно опиралось правительство.» ⁷⁰ Аксаков опять возвращается к своей эпохе, надежде, что Александр II услышит «предостерегающее слово истории».

Большой рецензией реагировал на книгу Соловьева К. Бестужев-Рюмин. ⁷¹ Сравнив её с поздними его статьями, видно, что она отличается воздержанностью, и высказывает довольно важные мысли: 1. Кавелин и Соловьев представляют новую линию в историографии этого вопроса, если ставят личность Ивана IV в исторический процесс. 2. Прежние работы Кавелина и Соловьева страдают преувеличениями 3. Оценка исторической личности не может зависеть от морали оценивающей эпохи: о ней, можно судить только на основании норм данной эпохи.

В этом же году выходит в свет большая работа Б. Чичерина «Областные учреждения России в XVII веке», в которой он, хотя и не занимается детально фигурой Ивана IV, но пишет о «разобщенности» боярства и «праве на отъезд», и соответственно этому считает борьбу Ивана IV с ними необходимой и оправданной. ⁷²

На основании этого мы по праву можем считать работу Чичерина особенно важной в истории оценки проблемы Ивана IV. Приняло окон-

чательную форму новое зрение на царя, которое соответствовало развитию, происшедшему в русской буржуазной историографии. Это новое представление получило широкую поддержку.

Итак к середине 1850 гг. сформировались два основных направления в историографии об Иване IV. В следующие три десятилетия историография не смогла сказать ничего нового об этом вопросе. Качественное изменение начинается с исследований Ключевского в 80 гг., позднее показывает обнадеживающие результаты в 1910 гг. формирующаяся марксистская историография. Разработку этих проблем мы попытаемся сделать в нашем следующем исследовании.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Курбский, А. М.: Сказание о великом князе Московском: Русская Историческая Библиотека, т. XXXI. Обращает внимание на важные точки зрения критики источников: Рыков, Ю. Д.: «История о Великом князе Московском» А. М. Курбского и опричнина Ивана Грозного: Исторические записки, 1974, т. 73.
- ² Русская Историческая Библиотека, т. XIII., 627—628; Временник Ивана Тимофеева, М. -Л., 1951, 11, 12, 13, 15, 23, 151; Попов, А. А.: Изборник славянских, и русских сочинений и статей внесенных в хронографы русской редакции, М., 1869, 183; Материалы по истории СССР, т. II., М., 1955, 56, 75, 76, 78, 79, 83, 85.
- ³ Самые важные в этом отношении в первую очередь переписка Ивана и Курбского, памфлеты Курбского, иностранных путешественников и наемников и Хронограф редакции 1617 г.
- ⁴ Одна часть была, наверное, написана очевидцами, но в любом случае на основании информации, полученной из первых рук. На это указывает тот факт, что Писаревский летописец содержит такие факты, которые нигде больше не содержатся. (Материалы по истории СССР, т. II., 78—79.)
- ⁵ Татищев, В. Н.: Избранные произведения, Л., 1979, 120, 149, 244, 278, 393.
- ⁶ Подробнее об этом: Зимин, А. А.: Реформы Ивана Грозного, М., 1960, 13; Будовниц, И. У.: Иван Грозный в русской исторической литературе: Исторические записки, т. 21, 1947, 279; Очерки истории исторической науки в СССР, т. 1., 210—14.
- ⁷ Шербаков, М. М.: История Российская от древних времен, т. V., ч. 3, Спб., 1789, 217—19.
- ⁸ На это указал и Милюков: Главные течения русской исторической мысли. 134—35.
- ⁹ Карамзин, Н. М.: История Государства Российского, Спб., 1897, 48.
- ¹⁰ Указ. соч. 49.
- ¹¹ Указ. соч. 59—60.
- ¹² Указ. соч. 64.
- ¹³ Указ. соч. 134, 135.
- ¹⁴ Указ. соч. 194, 195.
- ¹⁵ Указ. соч., т. IX., 13, 29, 52, 62, 89, 167—69; 29.
- ¹⁶ Указ. соч. 274, 275.
- ¹⁷ Указ. соч. 274.
- ¹⁸ Указ. соч. 273.
- ¹⁹ Арицыбашев, Н.: О свойствах царя Иоанна Васильевича: Вестник Европы, ч. CXX, 1821/18—19, 135.
- ²⁰ Указ. соч. 190.
- ²¹ Корниловин, А. О.: Сочинения и письма, М. -Л., 1957, 135; Илларионский, В. Е.: Революционная историческая мысль в России (Домарксистский период), М., 1973, 57.
- ²² Воспоминание Бестужевых, М., -Л., 1951, 114.
- ²³ Муравьев, Н. М.: Мысли об «Истории Государства Российского» Карамзина, Н. М. Литературное наследство, т. LXIX, М., 1954, 585.

- ²⁴ Декабрист *Лукин, М. С.*: Сочинения и письма, Пб., 1923, 80.
- ²⁵ Муравьев: указ. соч. 585.
- ²⁶ *Лорер, Н. И.*: Записки декабриста, М., 1931, 67.
- ²⁷ Воспоминания Бестужевых. . ., 114.
- ²⁸ Из писем и показаний декабристов, Спб., 1904, 67.
- ²⁹ *Волк, С. С.*: Исторические взгляды декабристов, М., 1958, 385.
- ³⁰ Очерки истории исторической науки..., 286, 337.
- ³¹ *Кавелин, К.*: Собрание сочинений, 228.
- ³² *Будовиц, И.*: указ. соч. 286.
- ³³ *Погодин, М.*: Замечание о характере Иоанна VI: Московский Вестник, 1829, ч. III., 19.
- ³⁴ Указ. соч. 26, 19 – 20.
- ³⁵ Указ. соч. 25.
- ³⁶ Указ. соч. 28.
- ³⁷ *Куленов, В. И.*: Славянофилы и русская литература, М., 1976, 99.
- ³⁸ Подробнее об этом: *Флетчер, Д.*: О государстве русском, Спб., 1905, VII – XIV.
- ³⁹ *Устрялов, Н.*: Русская история, т. I – II., изд. 5-ое, Спб., 1855. 224, 227, 241.
- ⁴⁰ «Чудно совместились в нем живое сознание всех недостатков, пороков и порчи того века, с каким-то безспилием и непостоянством воли. Поэтому его умственное превосходство выражалось отрицательно, разрушением, ненавистью к настоящему, ядовитою ирониею и бессмысленным, слепым злодейством.» *Самарин, Ю.*: Сочинения, т. V. М., 1880, 205 – 206.
- ⁴¹ *Беляев, И.*: Жители Московского Государства, ч. II.: Временник Импер. Москов. общества истории и древностей Российских, кн. 3., М., 1849, 37, 56.
- ⁴² Указ. соч. 42.
- ⁴³ Указ. соч. 46.
- ⁴⁴ Подробнее об этом: А. Зимин: указ. соч. 15.
- ⁴⁵ *Кавелин, К.*: Сочинения, ч. I., М., 1859, 355.
- ⁴⁶ Указ. соч. 355 – 356.
- ⁴⁷ Указ. соч. 359 – 360.
- ⁴⁸ Указ. соч. 360, 362.
- ⁴⁹ *Михайловский, Н. К.*: Полное собрание сочинений, изд. 2., т. VI., Спб., 1909, 133.
- ⁵⁰ *Белинский, В. Г.*: Полное собрание сочинений, т. II., 108.
- ⁵¹ Указ. соч. 110.
- ⁵² Указ. соч. т. III., 20.
- ⁵³ Указ. соч. 565.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Указ. соч. 57.
- ⁵⁷ *Иллерицкий, В. Е.*: Исторические взгляды В. Г. Белинского, М., 1953, 166 – 171.
- ⁵⁸ *Иллерицкий, В. Е.*: История России в освещении революционно-демократов, М., 1963, 176 – 177. Революционная историческая мысль в России, М., 1974, 162, 270 – 271, 315.
- ⁵⁹ *Мордовченко, Н.*: Иван Грозный в оценках Белинского: Звезда, 1945, 10 – 11, 183.
- ⁶⁰ Цитирует Мордовченко: указ. соч. 183.
- ⁶¹ *Соловьев, С. М.*: История России с древних времен, кн. III., М., 1960. 426 – 429, 432, 435 – 438, 524 – 530, 536 – 541.
- ⁶² Указ. соч. 707.
- ⁶³ Указ. соч. 712.
- ⁶⁴ Указ. соч. 707 – 708.
- ⁶⁵ Указ. соч. 713.
- ⁶⁶ *Соловьев, С.*: Общедоступное чтение о русской истории, М., 1874, 132.
- ⁶⁷ *Аксаков, К. С.*: Сочинения исторические, т. I., М., 1889, 129, 130.
- ⁶⁸ Указ. соч. 164, 165.
- ⁶⁹ Указ. соч. 163.
- ⁷⁰ Указ. соч. 168.
- ⁷¹ *Бестужев-Рюмин, К. Н.*: Рецензия на кн. С. Соловьева: Московские Ведомости, 1856/54, 235, 236.
- ⁷² *Чичерин, В.*: Областные учреждения России в XVII-м веке, М., 1856, 30.